

В статье показано, что города на протяжении всей своей истории складывались из многих самодостаточных анклавов, между которыми возникала лишь относительная общность. Наступали моменты, когда во главу угла ставилась задача добиться композиционной и стилистической целостности города как ансамбля. Тогда становилась особенно заметной чужеродность некоторых городских объектов, с которой приходилось бороться. Современные разросшиеся города не могут претендовать на абсолютное единство: в них смешиваются весьма контрастные локализованные архитектурно-планировочные образования. Исходя из поставленной журналом «Проект Байкал» задачи сосредоточить внимание на «локальных культурах», автор обосновывает мысль о том, что гармонизация разнородных городских локусов требует повышения и выравнивания общего культурного уровня их формирования и функционирования.

Ключевые слова: город; пространство; архитектура; локус; анклав; свое; чужое; общее. /

The article shows that, throughout their history, cities have been formed from many self-sufficient enclaves, between which there was only a relative community. There were times when the main goal was to achieve the compositional and stylistic integrity of the city as an ensemble. Then the alienness of some urban objects became especially noticeable, and it had to be dealt with. Modern sprawling cities cannot claim absolute unity: they mix highly contrasting localized architectural and planning formations. According to the task set by Project Baikal journal to focus on "local cultures", the author substantiates the idea that the harmonization of heterogeneous urban loci requires an increase and alignment of the overall cultural level of their formation and functioning.

Keywords: city; space; architecture; locus; enclave; own; alien; common.

Локальные анклавы в общегородском пространстве / Local enclaves in the citywide space

Города изначально формировались как союзы родовых и соседских общин. Это значит, что в их пределах находились автономные земельные владения с соответствующими зданиями и сооружениями. Можно ли называть общегородским все пространство в черте традиционного города? Конечно, нет, коль скоро оно вмещало участки, принадлежавшие отдельным полноправным семьям. В общем пользовании оставались только межи с улицами, на перекрестках которых устраивались площади, подходящие для введения общественных зданий. При этом каждая община контролировала свое общественное пространство, доступ в которое затруднялся для посторонних. Только самые главные площади и соборные храмы служили для сбора всех горожан. Впрочем, и на общие собрания допускались не все.

Наглядный пример возникновения великого города из нескольких патриархальных поселений являет собой Древний Рим. Семь холмов в его центре были заняты племенами разного происхождения, имевшими свои исконные культы и обычаи [1]. Свидетельством их объединения стало осушение и благоустройство оврагов между холмами, где на нейтральных полосах сформировался разветвленный общегородской центр. Ядром его послужил республиканский Римский форум (лат. Forum Romanum). В дальнейшем к нему добавились форумы императорские и крупнейшее общественное сооружение – Колизей. Два холма – Капитолий и Палатин – тоже превратились в центры общегородского и государственного значения.

Хорошо известно, что и древнерусский Новгород складывался из самоуправляющихся «концов», расположенных вокруг детинца с собором Святой Софии [2]. Не следует думать, что это уникальное явление: посадские «концы» и «слободы» существовали едва ли не во всех городах Руси [3, 4]. Средневековые города Западной Европы тоже обладали общинным устройством, позволявшим населению выстраивать приемлемые отношения с сеньорами и королями.

Нельзя забывать, что родовая наследственная собственность испокон веков была неприкосновенной. Недаром сложилась поговорка: «Мой дом – моя крепость». Врываться в чужой дом считалось святотатством.

Поэтому в нем могли находить надежное укрытие любые пришельцы, если их принимали как гостей. В своем доме, как говорится, «хозяин – барин». «Домострой» именует главных собственников жилища «государем» и «государыней» [5]. И он призывает жить своей замкнутой жизнью, не вынося сор из избы и не принося ничего дурного с улицы.

Ясно, что каждое дворовладение мыслилось как самодостаточный мирок – «город в городе», воспроизводящий в миниатюре целое царство-государство, а по идее и все мироздание, отчего застройка средневековых посадов не могла быть однородной, усредненно-обезличенной. Дома и дворы получались разными в зависимости от статуса, достатка и личных предпочтений владельцев. Другое дело, что яркой индивидуализации архитектурных форм не получалось в силу преобладания патриархально-общинных традиций, допускавших выделение на фоне относительно равных только самых значительных объектов.

Традиционная материальная и духовная культура сплачивала людей и порождала крупные этноконфессиональные объединения. Превращение племенных союзов в государства и великие монархии активизировало движение в данном направлении. В такой ситуации усиливалось ощущение общности всего того, что относилось людьми к своей Родине – не только малой, но и великой. Поэтому насыщение городов домами приезжих соотечественников, как и подворьями отдаленных монастырей, происходило довольно безболезненно.

Однако вкрапления поселений иноземцев заметно контрастировали с местным контекстом. Чужих опасались и примечали по малейшим деталям образа жизни и поведения. Так что в застройке более или менее целостных посадов возникали совершенно определенные инородные вставки. Порой они могли казаться зловещими, причастными к тайным силам и колдовству [6].

В меру необходимости власти отводили довольно обширные территории для «инородцев» и «иноверцев». Пример тому – Татарская слобода в Замоскворечье. Другой случай: возросшее число выходцев из Европы в Москве XVII века решено было разместить за городом – в Немецкой слободе. В общих чертах данная тема давно

текст

Игорь Бондаренко
НИИ теории и истории
архитектуры и градостроитель-
ства (Москва);
Национальный исследова-
тельский Московский госу-
дарственный строительный
университет

text

Igor Bondarenko
Research Institute of
Theory and History of
Architecture and Urban
Planning (Moscow);
National Research Moscow
State University of Civil
Engineering

Работа выполнена
в филиале ФГБУ «ЦНИИП
Минстроя России»
НИИТИАГ по Плану фун-
даментальных исследо-
ваний РААСН и Минстроя
России на 2026 год. Тема
№ 1.1.6.1 «Архитектурная
организация городских
пространств: целостность
и дискретность» /

Acknowledgements: The
study was carried out at
the branch of the Federal
State Budgetary Institution
"TSNIIP of the Ministry of
Construction of Russia"
Research Institute of
Theory and History of
Russia and Urban Planning
according to the Plan of
Fundamental Research of
the RAACS and the Ministry
of Construction of Russia
for 2026. Theme No. 1.1.6.1
"Architectural organization
of urban spaces: integrity
and discreteness"

известна. Различные этнические диаспоры издавна получали постоянные пристанища для жизни и торговли во множестве городов, особенно столичных. И они имели возможность сохранять там свою культурную самобытность. В этом отношении населенные ими анклавы были сродни поселениям колонистов вдали от далеких, но никогда не забываемых метрополий.

Надо полагать, что изоляции пришлых поселенцев способствовала общепризнанная в древности неприкосновенность семейного жилища, о чем упоминалось выше. А еще – традиционная защищенность принятых хозяином в свой дом гостей [7]. В данном случае – принятых властями в свое государство иностранцев.

Наиболее яркими инородными вставками в посадскую ткань русских городов становились культовые объекты, возводившиеся для католиков, лютеран, армян, евреев, мусульман. Справедливости ради надо заметить, что и православные храмы в первое время после крещения Руси выделялись среди окружения необычностью, что понятно, ведь они были «не от мира сего». Однако укоренение христианства на Русской земле вело к тому, что церковное зодчество становилось все более своим, родным и общим для соплеменников. Храмы и монастыри продолжали выделяться среди рядовой застройки как доминанты, иногда очень контрастные, но уже вовсе не инородные по своему существу. Показателен в этом отношении тот факт, что элементы архитектурно-декоративного убранства средневековых церквей переносилось в жилищное строительство.

По мере приближения Нового времени контакты местного населения с представителями иных стран и народов становились все более интенсивными и все менее пугающими. Тому способствовали Великие географические открытия и далекие завоевательные походы. Европейский колониализм сопровождался расовой дискриминацией и насаждением по всему миру единообразной ордерной архитектуры, трактованной как высшее достижение всех времен и народов. Возникла европоцентристская картина мира, содержащая яркие вставки из экзотических культур аборигенов. Началось увлечение заморскими диковинками, которые предприимчивые люди стремились коллекционировать и выставлять напоказ.

Поначалу европейская архитектура вбирала в себя лишь некоторые экзотические мотивы, не разрушавшие ее типологическую и стилистическую цельность. Но довольно скоро пришла эпоха так называемой эклектики, для которой стала характерна живая игра с архитектурными образцами самого разного происхождения. Если в эпоху классицизма господствовала установка на планировочное и стилистическое единение города, поощрявшая в том числе перелицовку средневековых построек, отражавших якобы «варварские» вкусы «темных веков», то ее окончание ознаменовалось возрастанием прямо противоположных стремлений. Появление все большего числа инородных архитектурных элементов в городской среде радовало и заказчиков, и проектировщиков, получивших невиданную до того свободу субъективного творческого волеизъявления.

Можно сказать, что в XIX веке возник культ архитектурного разнообразия. И он породил новый тип «спекания» городской ткани в единый пластически изощренный, многосложный массив. Так нивелировался контраст между основным «телом» города и инородными по отношению к нему локальными включениями. Это происходило в русле демократизации общества, овеванной мечтами о скором единении всего прогрессивного человечества. Инородные включения, правда, получались чрезмерно крупными, шумными и грязными в случае разрастающихся фабрик и заводов.

Но вот пришло время отрицания историзма. Революционно настроенные футуристы начала XX века высказывались по поводу старых городов крайне негативно – из-за их перегруженности, пестроты и антисанитарного состояния [8]. Они ратовали за радикальное преобразование как городов, так и самого общества. При этом во главу угла ставились универсальные общечеловеческие ценности. Модернистская градостроительная концепция нацелилась на уничтожение всей той разнородности и мелкотравчатости, которая свойственна исторически сложившимся поселениям.

Этой концепции удалось надолго захватить лидирующие мировые позиции. Тем не менее при всем своем напористом технократическом рационализме и интернационализме «Современное движение» не смогло достичь абсолютного порядка, абсолютной целостности в архитектуре новых городов. А в городах старых оно породило вопиющие диссонансы.

Другим крупным явлением XX века стало создание монументальных городов-ансамблей в неоклассическом духе. Что можно сказать о них в отношении включения инородных архитектурных локусов? Конечно, такие локусы имели место, но не благодаря, а вопреки желаниям авторов. Речь идет главным образом о сохранении некоторых выдающихся памятников и уцелевших фрагментов старой застройки. Архитекторы были настроены против обособления этих памятников и фрагментов. Формируемые ими ансамбли могли получаться сложными, но обязательно хорошо скомпонованными, отрисованными, цельными.

Эта задача оставалась в приоритете и после отказа от архитектурных «излишеств», когда видные теоретики продолжали писать о том, что объекты наследия не должны музеефицироваться и выпадать из жизни современного города [9]. Понятно, что оставшиеся, например, на Варварке палаты и церкви с возведением модернистского объема гостиницы «Россия» оказались в совершенно чуждой им градостроительной ситуации. Однако считалось, что это дало импульс для их новой, актуальной жизни.

Последние полвека ознаменованы нарастанием забот о сохранении объектов историко-культурного наследия. Заметно увеличилось число отреставрированных и воссозданных памятников архитектуры, что поспособствовало зримому обособлению их в городском пространстве. Это свидетельствует об отказе от прямолинейного подхода к проблеме модернизации городской среды.

Одновременно активизировалось возведение новых крупногабаритных, высотных зданий и комплексов, беззастенчиво вырывающихся из окружения. Они явно инородны, хотя только некоторые из них выглядят как уникальные архитектурные произведения международного уровня, ярко обозначающие проникновение в исторические города транснациональных символов глобализации.

Таким образом, число инородных локальных вставок в общегородские пространства и панорамы стремительно нарастает. Не так давно в России с этим явлением стали бороться при помощи программы комплексного развития территорий, которая позволяет надеяться на улучшение качества жизненной среды.

Конечно, к комплексности архитектурно-градостроительных решений надо стремиться. Однако в достаточной мере это получается только в границах выделенных территорий, где достижима взаимосвязанность всех нужных объектов и законченность архитектурной композиции. В идеале хорошо спроектированный архитектурно-пространственный комплекс может стать прекрасным ансамблем. Но город от этого не станет более целостным,

поскольку получит лишь новый самодостаточный анклав, чуждый окружению, живущему иной жизнью.

Что же нам делать? Собрать все участки и все постройки большого города воедино практически невозможно. И с теоретической точки зрения заниматься этим бесполезно, так как стоит понять, что город по своей природе не является абсолютно целостным, завершенным в себе «организмом», сколько бы об этом ни говорили. Его единство иного – коллективного, общинного – типа. Это значит, что наши усилия должны направляться на устранение архитектурных конфликтов между разнокачественными градостроительными объектами и на создание условий для их «мирного сосуществования», добрососедства.

Как видно из вышеизложенного, города складываются из множества разнородных локусов. Другое дело, что взаимодействие таких локусов бывает умеренным, нейтральным или активным, вызывающим в одних случаях положительные, в других – отрицательные эмоции. Все зависит от степени доброжелательности или грубости создателей подобных эффектов, т. е. от уровня общей и профессиональной культуры. Вот почему представляется очень правильной и своевременной постановка журналом «Проект Байкал» вопроса о локальных культурах, проявляющих себя в архитектуре и градостроительстве.

Понятно, что можно говорить о специфической культурной атмосфере, царящей в каждой функциональной зоне города, в каждом архитектурном объекте. Одно дело – жилье, другое – церковь, офис, промышленное предприятие, торговый центр, спортивный комплекс, учебный кампус, больница, театр, музей, парк... Мало того, возникают пространственные анклавы, где концентрируются интересы людей разных этносов и конфессий, возрастов и профессий, вплоть до маргиналов и преступников. У каждой такой группы есть свои культурные особенности, ценность которых, однако, нельзя абсолютизировать.

Западный либерализм, одержимый идеей создания «открытого общества», довел право на самовыражение всех и вся до абсурда. На самом деле фундаментальное понятие культуры требует не уравнивать специфические проявления социальной активности, а ранжировать их по степени качества.

Часто говорят, что всякая вещь хороша по-своему. Эта мысль восходит к Н. В. Гоголю. Только она передается с искажением смысла. Писатель сформулировал ее так: «Все роды хороши, когда они хороши в своем роде» [10]. Хороши, когда хороши. А могут быть и плохи. Поэтому вредны рассуждения о том, какая культура выше и лучше: европейская, азиатская, американская, африканская... Они разнятся по формальным признакам, но по уровню воплощения бывают и одинаково прекрасны, и посредственные, и убоги. А некоторые проявления их носят явно негативный, антигуманный, «инфернальный» характер.

Нам надо стремиться к тому, чтобы все локальные, разнородные образования в городе можно было называть культурными в высоком смысле этого слова, т. е. доброкачественными, благопристойными, деликатными. Великая историческая миссия культуры состояла и продолжает состоять в том, чтобы возвышать и совершенствовать человека и общество [11]. Только при достаточно высоком уровне культуры, при наличии взаимопонимания и взаимоуважения, в тесном соседстве с местными жителями могут благополучно проживать иностранцы. Конфликты возникают не из-за этнических и конфессиональных отличий людей, а по причине несоответствия уровней их культурного развития.

Когда речь заходит о мигрантах, образующих опасные анклавы в европейских городах, возникает естественное

желание сократить и обособить места их компактного проживания. Конечно, надо требовать от них знания языка и местных законов, но стремиться к их полному отрыву от собственных родовых корней не следует. Этот путь казался привлекательным во времена господства идеологии абсолютизма и глобального интернационализма. Сейчас очевидно, что он неразумен и пагубен.

Сказанное вызывает желание привести выдержку из труда русского философа рубежа XIX–XX веков Н. О. Лосского. Он написал о том, что возведенные О. Шпенглером в ранг непреодолимого закона взаимная непроницаемость и чуждость друг другу различных культур «в действительности, однако <...> существуют лишь в той мере, поскольку нация не осуществляет своего идеального назначения, поскольку в ее творчестве есть искажения добра и воплощение отрицательных ценностей. <...> Совместно творить гармоническое единство жизни, сверкающей богатými красками различных культур, можно лишь в том случае, если мы будем сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их, как свою собственную, и, таким образом, воспитывать в себе способность восполнять друг друга своим творчеством» [12, с. 323–324].

Городам несвойственна гомогенность. Следует по достоинству оценить их структурную многосложность с включением локусов самой разной формы и назначения. Не стоит заниматься укрупнением и собиранием воедино этих локусов, даже если они возникли стихийно. К чему обеднять исторически складывающийся, растущий и обогащающийся город? Другое дело, что надо бороться с губительным хаосом, устранять архитектурные бестактности, культивировать и гармонизировать среду, повышая общий уровень градостроительной культуры.

Литература

1. Федорова, Е. В. Знаменитые города Италии: Рим, Флоренция, Венеция. – Москва : Изд-во Моск. университета, 1985. – 480 с.
2. Янин, В. Л., Алешковский, М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. – 1971. – № 2. – С. 52–55.
3. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. – Москва : Мысль, 1984. – 466 с.
4. Лимонов, Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: очерки социально-политической истории. – Ленинград : Наука, 1987. – 218 с.
5. Домострой / сост., вступ. статья, перевод с др.-рус. и комментарии В. В. Колесова. – Москва : Сов. Россия, 1990. – 304 с.
6. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – Москва : Миф, 2024. – 480 с.
7. Фрезер, Дж. Золотая ветвь. – Москва : Политиздат, 1986. – 703 с.
8. Ле Корбюзье. Три формы расселения. Афинская хартия / пер. с франц. – Москва : Стройиздат, 1976. – 136 с.
9. Иконников, А. В. Старое и новое в системе города // Памятники архитектуры в структуре городов СССР. – Москва, 1978. – С. 7–44.
10. Гоголь, Н. В. Арабески : в 2 ч. – Санкт-Петербург, 1835.
11. Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв. ред. И. А. Бондаренко. – Санкт-Петербург : Коло, 2019. – 432 с.
12. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра. – Москва : Политиздат, 1991. – 367 с.

References

- Bondarenko, I. A. (Ed.). (2019). *Arkhitektura i kultura Rossii v istoricheskom vzaimodeistvii* [Architecture and culture of Russia in historical interaction]. St. Petersburg: Kolo.
- Fedorova, E. V. (1985). *Znamenitye goroda Italii: Rim, Florentsiya, Venetsiya* [Famous Italian cities: Rome, Florence, Venice]. Moscow: Publishing House of Moscow University.
- Frazer, J. (1986). *The Golden Bough*. Moscow: Politizdat.
- Gogol, N. V. (1835). *Arabesques: in 2 parts*. St. Petersburg.
- Ikonnikov, A. V. (1978). *Staroe i novoe v sisteme goroda* [The old and new in the city system]. In *Architectural monuments in the structure of cities of the USSR* (pp. 7–44). Moscow.
- Kolesov, V. V. (Ed., Trans.). (1990). *Domostroy* [The household book]. Moscow: Soviet Russia.
- Le Corbusier. (1976). *Three forms of settlement. The Athens Charter*. Moscow: Stroyizdat.
- Limonov, Yu. A. (1987). *Vladimiro-Suzdalskaya Rus: ocherki sotsialno-politicheskoi istorii* [Vladimir-Suzdal Russia: Essays on socio-political history]. Leningrad: Nauka.
- Lossky, N. O. (1991). *Usloviya absolyutnogo dobra* [Conditions of absolute goodness]. Moscow: Politizdat.
- Maximov, S. V. (2024). *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [The unclean, unknown and Godly force]. Moscow: Mif.
- Murzaev, E. M. (1984). *Slovar narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow: Mysl.
- Yanin, V. L., & Aleshkovsky, M. Kh. (1971). *Proiskhozhdenie Novgoroda (k postanovke problemy)* [The origin of Novgorod (to the formulation of the problem)]. *History of the USSR*, 2, 52–55.